

Миф об особой миссии «молодежной культуры», сложившийся внутри движений протеста, пережил и сами эти движения. Более того, оторвавшись от реалий той конкретной духовной и психологической ситуации, которая сложилась в странах Запада к середине 60-х годов, став объектом интенсивной коммерческой эксплуатации, он существенно изменил свою социальную функцию.

Когда-то бывший ферментом антибуржуазных настроений молодежи и связанной с ними социально-политической активности, он превратился теперь в фактор, питающий ее аполитичность, а зачастую и асоциальность, ее добровольный уход в свой особый мир со своими символами престижа и приметами — особой «молодежной» одеждой, стилем музыки и танца, языком, манерой поведения — мир, ничего не желающий знать о «взрослых» проблемах.

Однако опасность подобной метаморфозы присутствовала в нем изначально, и то обстоятельство, что возрастной ценз контингента, который охватывает сейчас «молодежная культура», существенно понизился по сравнению с 60-ми годами, — лишь дополнительное подтверждение изначально присутствовавшей в ней тенденции к подмене совершеннолетних и ответственных граждан безответственными подростками.